

Глава 6

Если загибать пальцы и перечислять достоинства Цзян Чу, наберётся немало.

Лучшее из них — умение слушать доводы.

Как правило, неважно, свои это люди или чужие, домашние, а то и те, с кем в школе при виде друг друга сразу хотелось поскандальить — лишь бы человек говорил что-нибудь хоть отдалённо разумное, Цзян Чу готов был встать на его сторону и обдумать ситуацию с чужой точки зрения.

Но сегодня, столкнувшись с Цинь Цзуюем, это достоинство вдруг дало сбой.

Цинь Цзуй не давал к себе прикасаться. С той минуты, как Цзян Чу его увидел, самой часто звучавшей фразой была: «Не трогай меня».

Это «не трогай» распространялось на всё: погладить по спине — нельзя, стукнуть по руке — нельзя, обнять за плечи — нельзя, даже ткнуть пальцем в лопатку — и то нельзя.

Цзян Чу прекрасно понимал, что у каждого свои причуды. Он сам терпеть не мог, когда трогали голову; Да Бэнь злился, если хлопали по животу; у Чжоу Тэна тоже были свои принципы — не любил, когда лапали за задницу.

Но когда Цинь Цзуй смотрел на него с этим едва уловимым предупреждением в глазах — что-то внутри закипало, и никакой разумностью это было не унять.

Да, именно закипало.

С тех пор как у парня обнаружилась аллергия — больница, укол, таблетки, анализы, а сам Цзян Чу ещё и подбородком приложился, разворотил его в кровь, ходит теперь с щекой как у круассана, — он только и сделал что проявил заботу. И получил предупреждающий взгляд в ответ.

Называется, взял себе братишку.

Да не братишку — императрицу Цыси домой притащил. Туда не трогай, сюда не смей.

При том что Цзян Чу вовсе не рвался его трогать. Была б его воля — да ни за что.

Парень же, в конце концов, с аллергией.

Если отвлечься от аллергии — ну какое ему дело до плоскогрудого мужика, чтоб так уж

хотелось руки распускать?

А если отмотать ещё дальше — к обеду — то вообще-то этот тип, который сидит сейчас за его столом и сверлит взглядом, изначально не должен был здесь оказаться.

Цзян Чу некоторое время смотрел на Цинь Цзюя, потом усмехнулся и откинулся назад, присев на подлокотник дивана.

— Ты вообще дрался много? — спросил он — тот вопрос, который не решился задать в машине.

Цинь Цзуй промолчал. Судя по виду, не очень понял, как разговор вдруг съехал в эту сторону, и продолжал смотреть на Цзян Чу.

— Тебе нужно кое-что уяснить, малыш Цинь Цзуй. — Цзян Чу подцепил ещё одну порцию холодной лапши, демонстративно проигнорировав, как дёрнулись брови у того от этого прозвища.

— Ты живёшь у меня — и это совместное решение твоей мамы и твоего отчима, — продолжил он невозмутимо. — Хочешь ты того или нет, значения не имеет. Сейчас тебе отвечаю я.

— Как ты там жил у себя дома — не моё дело. Уйдёшь отсюда — тоже не моё. Но пока ты под моей крышей и у тебя аллергия — я за тебя отвечаю. Значит, буду трогать когда нужно. Понял? — сказал он Цинь Цзюю.

Тот смотрел так, будто не особо понял. Поглядел на него ещё немного, потом разлепил губы: — Ладно. Не трогай меня.

— Очень надо. — Цзян Чу даже засмеялся от возмущения.

Он встал, поставил миску на стол и посмотрел на Цинь Цзюя сверху вниз.

— Тогда так. Ты же драться умеешь? — Цзян Чу чуть приподнял бровь. — Давай разомнёмся. Прижмёшь меня к дивану — буду звать тебя старшим братом.

— А если к дивану окажешься прижат ты, — он помолчал, подумал, — терпишь всё, что я сочту нужным, и убираешь при мне свои капризы. Идёт?

Говорил он это с таким видом, будто дело решённое. Взгляд Цинь Цзюя заострился, скользнул на опухший подбородок — и уголок рта дёрнулся вверх, веки чуть опустились. Смешно ему, видите ли.

Сам себя расколошматил, а туда же — петухом ходит.

— За выражением лица следи. — Цзян Чу примерно догадывался, о чём тот думает, ткнул в него пальцем. — Ну что, идёт?

Цинь Цзуй не спеша поднялся, оглядел гостиную: — Прямо здесь?

— Места не хватит? Конечная точка — диван. А хочешь — можешь меня вообще в спальню зашвырнуть, тоже засчитаю. — Цзян Чу мягко отпихнул Чжоу Тэна в сторону ногой; пёс плюхнулся на пол и возмущаться не стал. Цинь Цзуй наклонился, подхватил его двумя руками и отнёс в сторону.

— Одну руку тебе завязать? — Он посмотрел на подбородок Цзян Чу, слегка склонив голову — с намеренной издёвкой.

Цзян Чу прищурился и улыбнулся: — Давай.

Только они изготовились, Цинь Цзуй замер напротив и вдруг почувствовал неловкость — всерьёз лезть в драку как-то не поворачивалась рука.

У него была реально приличная сила захвата, а бить по мягкому месту — животу — нельзя. Выше — ещё один удар, и у Цзян Чу завтра точно пойдёт кровь из носа. Тогда ему вообще на улицу не выйти.

У Цзян Чу сомнений не было — он сразу перешёл к делу: — Буду же я тебя касаться, без этого никак. Спина выдержит?

Цинь Цзуй расслабил лопатки, коротко бросил: — Угу.

Цзян Чу кивнул. И не давая Цинь Цзую ни секунды, ноги шагнули вперёд — колено между его ног, правая рука перехватила локоть и рывком потянула за спину.

Взгляд Цинь Цзую мгновенно сосредоточился — сила у него оказалась неожиданно приличная.

Он бросил левый локоть — попасть в рёбра. Но Цзян Чу поймал руку, завернул его корпус рывком, и колено, стиснувшее бёдра, пошло вверх — и Цинь Цзуй полетел на диван.

— Ты же сам сказал — одна рука, — донеслось у него над ухом с усмешкой.

Цинь Цзуй опёрся коленями в диван — сейчас, напряги руку, и Цзян Чу полетит.

Но он не успел.

Рука, державшая его локоть, вдруг скользнула вдоль позвоночника вниз и промяла ямочку над поясницей.

Такой короткой схватки Цинь Цзуй в жизни не проигрывал.

Особенно — самому себе.

От этого одного движения всю спину до поясницы накрыло волной — и в следующий миг Цзян Чу придавил его коленом к бедру, завернул руки за спину, и Цинь Цзуй, лицом вниз, оказался намертво вдавлен в диван.

Аккурат на подушку животом.

Прошло секунд тридцать, не больше.

Цинь Цзуй с позеленевшим лицом дёрнулся пару раз. Цзян Чу не отпустил — засмеялся, перекинул ногу и сел на него сверху, щёлкнул по уху: — Сдаёшься?

От уха до затылка Цинь Цзуй залился красным. Не ответил ни слова.

Вот же унижение, мать его.

Цзян Чу ощутил, как последние остатки раздражения растворились без следа. Он восседал на заднице у своего новоявленного братишки — торжествующий, как деревенский самодур-помещик — и добавил словесного.

— Иногда слишком тщательно оберегать что-то — это всё равно что выставить свою слабость напоказ, — сказал он, ухватив пальцами резинку его широких штанов и коротко щёлкнув. Звук получился отменный. — Сила у тебя есть, не спору. Только я борьбу не первый год учу, так что стыдиться тут нечего.

Цинь Цзуй закрыл глаза, сжал губы. Открыл. Чжоу Тэн неизвестно когда запрыгнул на диван и теперь сидел прямо перед его лицом, склонив голову набок и изучая его с искренним любопытством.

Не выдержав, Цинь Цзуй отвернулся и глухо бросил в диван: — Слезь.

— Что поставлено на кон, то проиграно. — Цзян Чу ещё раз хлопнул его по шее, потянулся к краю дивана, подхватил пакет с лекарствами, вскрыл, поглядел, что внутри, — и выдавил на

спину щедрую полосу мази. Растёр ладонями.

Цинь Цзуй закаменел от затылка до копчика. Удержал себя от желания рывком сбросить Цзян Чу на пол. В итоге просто снова закрыл глаза — мысленно решив считать себя мёртвым.

Цзян Чу изначально не собирался драться всерьёз. Прижал — получил удовольствие, попутно нанёс мазь. Слез, хлопнул по заднице: — Вставай. Холодная лапша была нормальная.

Линия спины у Цинь Цзуй явно обмякла с облегчением, но он не пошевелился.

Обиделся?

Цзян Чу приподнял бровь, наклонился — заглянуть в лицо.

С детьми он никогда особо не возился. В семье он один; двоюродные ровесники — пересекались раз в год, не чаще, ухода не требовали. С Да Бэнем и остальными привык шутить без тормозов — там всё схавают. Только сейчас поймал себя на мысли: не перегнул ли палку?

Парень всё-таки приехал в первый день, а тут братец сразу положил мордой в диван. Если Цзян Ляньтянь услышит...

Он нагнулся к лицу — Цинь Цзуй поморщился и снова отвернулся.

— Ого. — Цзян Чу провёл ладонью по его голове снизу вверх, прошёлся по свежей стрижке. Под рукой было приятно — и он не удержался, прошёлся ещё раз. Цинь Цзуй на затылке чуть ли не физически светился надписью «достал».

— Это что — обиды? — Цзян Чу изучал кусочек лица, выглядывавший с краю, и всё равно хотел смеяться. — Дуешься? Мне теперь ещё и уговаривать тебя?

Цинь Цзуй окончательно потерял терпение — повернулся и уставился на него в упор, брови сведены так, будто намерен завязать бантик.

— Ты вообще пойдёшь доедать свою лапшу? В кастрюле ещё есть.

— Ладно-ладно. — Цзян Чу с миролюбивым жестом отступил. Мельком глянул на ухо Цинь Цзуй — и с миской направился на кухню за добавкой.

Услышал, как тот поднимается. Украдкой обернулся — Цинь Цзуй прошёл мимо и скрылся в своей комнате, но главное он успел заметить: на парне, которому только-только размяли спину, штаны стояли шалашом.

— Ну надо же, — сказал Цзян Чу, привалившись к кухонному столу, и не смог удержать смех.

За закрытой дверью что-то замерло — и она захлопнулась с громким «бум».

— Вот характер, — хмыкнул Цзян Чу, потянул лапшу, едва не подавился — засмеялся в нос.

Подростки, что с них взять. Спину потёр — и готово, всё вспыхнуло.

Он покачал головой, чихнул — и всё равно улыбался.

Надо же, какой чувствительный.

На следующий день, уже в офисе, Цзян Чу снова вспомнил об этом, и на душе стало весело. Поделится с Да Бэнем.

Да Бэнь заржал ещё громче, откинулся в кресле так, что чуть не съехал на пол, и тыкал в Цзян Чу пальцем, не в силах выдохнуть: — Тебя же самого ему в морду дали — вон подбородок до сих пор синий!

— Иди отсюда. — Цзян Чу засмеялся, потрогал подбородок. Вроде уже не так похож на круассан.

— Слушай, сколько твоему брату? Познакомь, угощу как-нибудь. — Да Бэнь выпрямился в кресле, глотнул воды, шумно выдохнул.

— Лет шестнадцать-семнадцать-восемнадцать. — Цзян Чу был спрошен — и вдруг вспомнил, что в удостоверении смотрел на дату рождения, но вчера в суете так и не уточнил.

— Ну и нормально, в моё время в старшей школе поспишь за партой — встаёшь как огурец, — хохотнул Да Бэнь, унесясь в прошлое.

— Именно что, — подхватил Цзян Чу, и оба засмеялись, уже не в силах остановиться. — Го Мэйли тогда тебя заставляла вставать и стоять, а ты упёрся, не встаёшь, и со шнурком через всю парту отвечаешь: «Неудобно». Мэйли сама не поняла поначалу, зато Фан Цзы прыснул так, что завёл цепочку — и она в итоге разревелась.

— О господи! — Да Бэнь был в опасности. — Мы с Фан Цзы ещё объяснительные писали, помню? Вот же наглые были!

— Это ты с Фан Цзы, меня не приплетай. — Цзян Чу отмахнулся и заметил в дверях Тан Цай, которая нерешительно топталась на пороге. Прочистил горло: — Что случилось?

Тан Цай вошла с ноутбуком — показывать макеты — и едва решилась переступить порог, увидев, что здесь происходит.

Все, кто водился с Цзян Чу, и он сам в придачу, сейчас выглядели вполне по-людски — но в школе, если поднять архивы, любой из них был отпетым толстолицым.

Цинь Цзуй в этом отношении до своего старшего брата сильно не дотягивал — после позорного вечера со вздыбленными штанами он почти неделю отказывался с Цзян Чу разговаривать.

Каждое утро Цзян Чу поднимался, собирался и уходил на работу — Цинь Цзуй ещё спал. К вечеру на столе уже стояла готовая лапша: то холодная, то жареная, то в бульоне, то заправленная — каждый день разная. Чжоу Тэн тоже был накормлен и доволен.

Цзян Чу пробовал заговорить — Цинь Цзуй отвечал молчанием, методично доводя принцип «не отвечать без крайней нужды» до абсолюта.

И без того немногословный — теперь и вовсе, того и гляди, онемееет.

Главное же — лапши Цзян Чу наелся до краёв. Сморгался — и казалось, в платок идёт лапша.

В субботу Цзян Чу отпустили пораньше — воскресенье выходное, торопиться некуда. Он купил по пути арбуз, вошёл в квартиру и загородил Цинь Цзую выход из кухни, скрестив руки.

В кастрюле, разумеется, варилась лапша.

— Огонь выключи, — сказал Цзян Чу, почёсывая Чжоу Тэна носком ботинка. — Пойдём куда-нибудь поедим.

Он потянул ногу и не спеша провёл ею по икре Цинь Цзуй.

Ноги у парня были на загляденье — длинные, прямые, крепкие.

Цзян Чу засмотрелся. Цинь Цзуй бросил на него короткий взгляд — и не успел Цзян Чу опомниться, как половник с лязгом полетел обратно в кастрюлю, чужая рука сомкнулась на

его лодыжке, шагнула вперёд — и Цзян Чу оказался припечатан к стене.

<http://bllate.org/book/18398/1761209>